

шествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 386).

Такова эволюция путешественника. Он нашел человеку утешителя в нем самом, он научился «прямо» смотреть на действительность, обрел истину и новые идеалы в жизни, стал приверженцем борьбы за великую волю, вступил в борьбу с ненавистным самодержавием как равный среди равных в армии угнетенных.

Но путешественника вдруг охватывает тревога. Уже в главе «Городня» и затем в последующих главах — «Завидово», «Пешки» и «Черная грязь» — в его речах начинают звучать все сильнее ноты отчаяния. Это подавленное состояние героя находится в зависимости от ежедневного им решения. После призыва к восстанию путешественник, наделенный тонким пониманием действительности, так закачивает свою страстную речь о будущем: «Не мечтаю, но взор приницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Автор уже знает, что надо делать, но он знает и больше — в данное время нельзя мечтать о революции. Славное время еще не наступило, отсюда и печаль, омрачившая радость познанной истины. Но, несмотря на это, для путешественника ясно, что его место — среди угнетенных, в том мире, которому принадлежит будущее. Определив свое новое место в жизни, путешественник ищет общения с крестьянством. Он разговаривает с крепостным интеллигентом-рекрутом (Городня): «Я прижал его к сердцу моему. Лицо его новым озарилось весельем. Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, вещал он мне, против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно. . .»; он хочет быть равным среди крестьян, окруживших слепого певца (Клин). Он ушел от своего класса. Он одинок, — что может быть тяжелее социального одиночества? Но он не хочет подобно Крестьянкину замыкаться в своем одиночестве.

Путешественник хочет бороться, и поэтому связь с крестьянством ему необходима. «Не уже ли ты меня столько перед всеми обидишь, старичек, сказал я ему, и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника. Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце, естественною казною, говорил старец: — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай что может мне быть полезно. . . Холодная у нас была весна, у меня болело горло. . . платчишка не было чем повязать шеи — бог помиловал, болезнь миновалась. . . Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нишего. — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого. . . И расстался с ним.